

«Каспий» (Баку), 1892, 19 января, №15

Мас. № 1022.

с. 2-3
БИБЛИОГРАФІЯ.

Антонъ Чеховъ. Дуэль. Повесть. СПб. 1892. Изданіе А. С. Суворина.

Глухая эго была дуэль: и по глупѣйшему поводу она затѣялась, и глупѣйшіе люди ее затѣяли. Дѣло въ какомъ-то городишкѣ на Кавказскаго Черноморья. Нѣкій Лаевскій скрывается въ этомъ городишкѣ съ нѣкою Надеждою Федоровной—женой, похищенной имъ отъ законнаго мужа. Лаевскій, по собственнымъ его словамъ и по замѣткамъ настоящаго очерка, — прямой потомокъ старыхъ Гамлетиковъ, забвенныхъ рефлексіей писателя разбора: лишняго человѣка, Нежданова и другихъ героев того-же полета. Проще сказать: это — себлюбивая, самолюбивая, безхарактерная трыпка. Въ городѣ живетъ Фомъ Корень — зоологъ, мужчина разій, крѣпкій тѣломъ и духомъ, будущій Стэнли, а пока — неутомимый ораторъ, съ языкомъ, замѣчательно приспособленнымъ къ произнесенію... шестидесяти глупостей въ миуту. Эгого господина — „сперва деспотъ, а потомъ зоологъ“. Дошелъ онъ до вывода, что „любовь — въ томъ, чтобы сильный уничтожалъ слабого, если не въ силахъ возвысить его до своей нормы и этимъ обезвредить“. Во имя этого удивительнаго принципа, онъ непремѣнно желаетъ или удавить, или утопить Лаевскаго, или, по крайней мѣрѣ, приковать его къ тачкѣ ваторжнява, чтобы онъ, слабый человѣкъ, не сѣлъ вокругъ себя заразы и зла. А зло, которое сѣетъ Лаевскій, ужасно: онъ вы-

Заметка
перечитан

1022

учил жителей городка играть в карты, пить пиво, далъ понять черноморскимъ „дикарямъ“, что существуетъ не одна сараджевская водка на свѣтѣ, а и кошелевская, и смирновская № 21; въ довершеніе преступленій, Лаевскій открыто живетъ съ чужой женой, тогда какъ прежде въ высокопрравственномъ городѣ, по убѣренію высокопрравственнаго зоолога, „жили съ чужими женами тайно“... ово, конечно, много чести!.. Однако, какъ извѣстно, русскіе законы за столь ужасныя проступки людей на „общественныя работы“ все-таки не отсылаютъ, и потому зоологу остается утѣшиться въ этой несправедливости систематическимъ приставаньемъ къ Лаевскому по всякому удобному и неудобному поводу: эта слабая козявка такой подходящій предметъ для нападенія, что даже и не защищается отъ зоолога, а только заискивающе ужимается предъ нимъ и трусить. Зоологъ съезъ свой вѣдъ рѣшительно воню, куда его не спрашиваютъ, а въ дѣла Лаевскаго съ особеннымъ удовольствіемъ. Лаевскій и его Надежда Федоровна—глупенькая чувственная бабенка—разлюбили другъ друга и Кавказъ. Лаевскому увѣхать хочется, ему денегъ надо, онъ спрашиваетъ ихъ у своего пріятеля доктора Самойленко. Докторъ шлетъ денегъ и занимаетъ ихъ у Фонъ-Корева. Фонъ-Корень даетъ, но съ условіемъ, что это—не для Лаевскаго. — Нѣтъ, для Лаевскаго!.. Споръ. Въ концѣ концовъ, Самойленко все-таки получаетъ деньги, но подъ новымъ условіемъ—приказать Лаевскому, чтобъ онъ сначала спровадилъ свою „разлюбленную“ сожительницу, а потомъ уже увѣзжалъ самъ или увѣзжалъ-бы вмѣстѣ съ нею, до отнядъ не прежде нея. Лаевскій совершенно резонно взбѣсилъ на столь безцеремонное обращеніе со своей волей и личностью, но—по трипичности характера—спасовалъ и расаясь.. Фонъ-Корень грубовато издѣвается надъ жалкимъ человѣкомъ и доводитъ его сперва до истеріи, а потомъ до скандала; въ результатъ его—дуэль. Дуэль—съ выстрѣлами на воздухъ: Лаевскій стрѣляетъ на воздухъ преднамѣренно, а зоологъ, кажется, тоже потерялъ желаніе истребить слабого и вреднаго члена общества... Впрочемъ, онъ изъ свидѣтелей дуэли врянулъ подъ руку зоологу, когда послѣдній цѣлился: „онъ его убьетъ!“ и этимъ Фонъ-Корень объясняетъ свой промахъ. Въ ночь передъ ду-

элью Лаевскій открылъ, что Надежда Федоровна невѣрна ему и имѣетъ свиданія съ офицеромъ Кириллинымъ; свиданія насильныя, потому что она Кирилина любила всего два дня, а потомъ разлюбила. и теперь платится за старше грѣхи, какъ жертва своеобразнаго шантажа... Но слѣдъ такого щекотливаго открытія и негнѣшной дуэли, Лаевскій—неисповѣдимую волею судьбы—приходитъ въ убѣжденію, что на цѣломъ свѣтѣ у него одинъ только близкій человѣкъ—Надежда Федоровна, и что, слѣдовательно, нечего имъ расходиться и вѣхать куда-бы то ни было, а надо сидѣть вмѣстѣ, гдѣ Богъ пошлетъ. Чета начинаетъ трудовую тихую жизнь. Словомъ, Лаевскій врыско окрутилъ себя; даже Фонъ-Корень сталъ его уважать, и напелъ достойнымъ помилованія отъ „общественныхъ работъ“: будетъ молъ для него и поселенія на черноморскомъ берегу.

Такова повѣсть г. Чехова. Если-бы она не была подписана именемъ извѣстности, на нее не стоило-бы обращать вниманія. Жидкость подробно изложеннаго мною выше сюжета приводитъ особенно комическое впечатлѣніе, когда авторъ желаетъ придать своимъ людшкамъ значеніе социальныхъ типовъ: варьетки вздѣваютъ на ходули и притворяются великанами! Г. Чеховъ впервые написалъ *большую* повѣсть. Признаюсь, опытъ этотъ не заставляетъ желать, чтобы молодой беллетристъ продолжалъ въ томъ же духѣ. У г. Чехова есть своя сфера, гдѣ онъ почти вѣдъ конкурса и подражанія: это—жанровая миниатюра. Г. Чеховъ превосходный анализаторъ мелочей жизни—каждой, въ отдѣльности,—но онъ становится втунитъ предъ цѣлымъ, въ какое выливается сумма этихъ мелочей—предъ жизнью. Ее нельзя ни изучить, ни опредѣлить, ни расчленитъ кабинетнымъ путемъ, какъ отдѣльный случай,—ее надо чувствовать, а это—редкая способность, достающаяся въ удѣлъ только избраннымъ натурамъ и талантамъ. Человѣкъ, чуткій къ теченію жизненныхъ пульсовъ общества, въ родѣ Диккенса, Зола, Доде, Тургенева, или даже таланта меньшаго размѣра—Короленко, напр., не могъ-бы написать повѣсти на такую слабую и натянутую тему, какъ чеховская „Дуэль“: первый шагъ таланта унесъ-бы его за ея сѣрнѣтля, въ трехъ страницахъ исчерпываемыя рамки. Таланту было-бы дупно и тѣсно въ нихъ, какъ въ тюрьмѣ. Къ

сожалению, приходится отметить нечто совершенно противоположное относительно г. Чехова. Он не только не исчерпывает своего сюжета, но даже оставляет в нем много частей невыясненного, темного, частью совершенно лишнего и неестественно приклеенного к тем. С невольной грустью, думаю: однако, автору ничуть не тесно в его каморке: наоборот, он не знает, чем ее заполнить: плохо дѣло!... Г. Чеховъ многократно доказывал свою талантливость, она пользуется еднороднымъ признаніемъ, и сомнѣваться въ ней — даже послѣ «Дуэли», самаго слабаго и неудачнаго изъ произведеній автора — было бы напрасно. Но г. Чеховъ гораздо лучше слѣдуетъ, если заключится въ сферѣ своей прежней специальности беллетриста — миниатюриста. Кто беретъ за большую вещь, имѣя за собою авторитетное ответственное имя, тотъ долженъ сказать публикѣ эту вещь что-нибудь, если не новое, то хоть свое и живое: г. Чехову не удалось сказать ровно ничего, — двѣсти пятьдесятъ страницъ его «Дуэли» созданы по старымъ, истертымъ, какъ взятый изъ библиотеки романъ, шаблонамъ; факты мелки, вялы и незначительны; мысли героев и разсужденія — плодъ не жизненнаго наблюденія, а механической кабинетной работы. Чехова «Скучная исторія», «Въ сумеркахъ», «Дѣвора», даже Чехова «Хиурыхъ людей» — слабѣйшаго, относительно другихъ, сборника его разсказовъ — и слѣдуетъ въ «Дуэли». Еще одно замѣчаніе. Подъ давленіемъ толстовскихъ откровенностей, русскій беллетристическій кодексъ приличій значительно понизилъ свои требованія, и въ моду вошло называть всѣ, даже самыя грязныя, вещи своими именами. Можетъ быть, такъ и должно, но — право — иной разъ и откровенности надо полагать предѣлы, ибо она начинаетъ переходить уже въ цинизмъ и свѣрпословіе, и простота дѣлается хуже воровства. Г. Чеховъ въ «Дуэли» перешелъ по этой части всѣ границы. Слова, образы и мысли, излагаемыя авторомъ (устаами Фонъ-Корена) для характеристики Лаевского на стр. 46, 47 — истинное щегольство цинизмомъ, и, притомъ, цинизмомъ самаго низменнаго, опереточнаго пошиба. То же самое должно сказать о нѣсколькихъ сценахъ при благосклонномъ участіи Надежды Федоровны. Единственное во всей повѣсти лицо — если не удачно нарисованное, то хоть удачно намѣченное авторомъ — молодой энтузіастъ дьяконъ. Онъ напоминаетъ, какъ слабѣе тѣнь, миниатюры Чехова прежнихъ временъ. Но фигура дьякона осталась неподбланныю авторомъ — во первыхъ, а во вторыхъ — въ повѣсти она ни въ чемъ, и ролью своей возбуждаетъ только недоумѣніе читателя.

Ал. А — и.

А. В. Амригетровъ

Много ли влюбленных, много ли друзей
до ручки выводитъ любовь